

УДК 930.2:718:726.8(470.345)

*О. В. Седышев**O. V. Sedyshev*

**ОБЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПРЕДМЕТОВ
СНАРЯЖЕНИЯ ВЕРХОВОГО КОНЯ
В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ В III — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ VII в.
(на примере материалов из мордовских могильников)**

**GENERAL TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF ITEMS
OF A SADDLED HORSE HARNESS IN THE MIDDLE VOLGA
REGION IN THE III — THE FIRST HALF OF THE VII CENTURY
(on the example of materials from Mordovian burial grounds)**

Ключевые слова: мордва, могильник, погребение, конское снаряжение, аналогии, хронология.

В статье на основе материалов из мордовских могильников III — первой половины VII в. проанализированы предметы снаряжения верхового коня (удила, пряжки, украшения уздечек). Установлено, что формы предметов конского снаряжения, используемые мордовским населением, отличаются большим многообразием, что может указывать на межэтнические связи. Отмечается тенденция к увеличению числа погребений с предметами конского снаряжения. Делается вывод о специализации всадников в раннем мордовском обществе.

Key words: the Mordvins, burial ground, burial, horse harness, analogies, chronology.

The items of a saddled horse harness (bits, buckles, bridle ornaments) are analyzed in the article on the basis of materials from the Mordovian burial grounds of the III — the first half of the VII century. It was determined that the forms of horse harness used by the Mordovian population were very diverse, which may be an indication of interethnic ties. The tendency to an increase in the number of burials with horse harness items is noted. It is concluded about the specialization of horsemen in the early Mordovian society.

О развитии конского убора у мордвы III — первой половины VII в. можно судить, основываясь на археологическом материале могильников, расположенных в верхних течениях Суры и Мокши, находящихся на территории современной Пензенской области (Армиевский, Ражкинский, Селикса-Трофимовский, Селиксенский, Тезиковский, Второй Усть-Узинский, Шемышейский могильники). Ранние могильники мордвы имеются и на территории Чувашской Республики (Иваньковский, Сендимиркинский, Таутовский). Кроме того, богатый и чрезвычайно разнообразный материал предоставляет Абрамовский могильник в Нижегородской области.

Самые ранние находки из категории снаряжения верхового коня в мордовских могильниках относятся к наиболее древним захоронениям, т. е. ко времени появления собственно мордовских погребальных памятников. Так, к концу II — первой половине III в. принадлежит погребение 12 Шемышейского могильника¹. В нем были найдены двусоставные кольчатые удила. Эта форма наиболее простая, но в то же время очень распространенная. Подвижные кольца в то время могли быть в сечении как круглыми, так и прямоугольными, кроме того, сами кольца имели различный диаметр от 3,5 до 8,0 см (рис. 1, 1, 2). Для III — IV вв. более характерны удила с

диаметром колец до 5 см. В V — VII вв. такие удила очень редки, чаще использовались кольца более крупного диаметра — до 8 см. Нужно сказать, что кольчатые удила встречались в мордовских могильниках всех периодов, однако для древнейших погребальных памятников характерны удила легкой конструкции — с тонкими звеньями и кольцами.

Прямоугольное сечение подвижных колец обеспечивало более прочную фиксацию ремней оголовья и повода, но грани колец способствовали их быстрому перетиранию. Такой существенный недостаток объясняет значительное количественное превосходство находок удил с кольцами круглого сечения.

Из редких находок предметов снаряжения коня занимают удила, кольца которых бронзовые. В Селикса-Трофимовском (погребение 13), Селиксенском (погребение 152), II Сергачском (погребение 1), Шемышейском (погребение 3) могильниках найдены удила с кольцами круглыми в сечении (см. рис. 1, 3). Они характерны для комплексов IV в.

Иными выглядят бронзовые кольца удил из могильника Стексово II (отдельная находка 1975 г.) и из Второго Усть-Узинского могильника (погребение 36). В этих случаях кольца треугольно-выпуклые в сечении, ребро жесткости выбито с внутренней стороны. Усть-узинские удила имеют на кольцах по две бронзовые обоймы-зажима, орнаментированные подцилиндрическими бляшками (см. рис. 1, 4). Один зажим служил для крепления ремня повода, другой — ремня оголовья. Происхождение таких удил связано с позднесарматской средой Приуралья, Прикавказья и Причерноморья². Данное погребение датируется второй половиной III в. Удила из могильника Стексово II (см. рис. 1, 5) имеют по два длинных орнаментированных зажима из согнутой вдвое бронзовой пластины, охватывающей кольца на месте сгиба. Длина зажимов значительно превосходит диаметр колец. Такие удила получили распространение в южнорусских степях в гуннскую эпоху и датируются концом IV — первой половиной V в.³

Ценный материал по истории развития конского убора дает Абрамовский могильник. Хотя удила с железными псалями, служащими для более строгого управления конем, на территории расселения мордвы известны с первых веков нашей эры по материалам Андреевского кургана, но появление таких удил собственно у мордвы следует связать с удилами из погребения 141 Абрамовского могильника (см. рис. 1, 6). У этих удил вместо подвижных колец вставлены железные пластинчатые псалии с серебряными окончаниями. Для крепления ремней оголовья и повода служила скоба, расположенная по центру псалия. По конструктивным особенностям эта находка схожа с удилами из могильника Лермонтовская скала 2 на Северном Кавказе⁴. В целом удила с головками из цветного металла наиболее характерны для V в.⁵

Из мордовских древностей наиболее ранними удилами с псалями следует считать экземпляры, где данные конструктивные элементы изготовлены из бронзы. Таковыми являются удила из Таутовского могильника (см. рис. 1, 15, 16). Объединяющий их признак — двухпетельчатый стержневидный псалий. Подобная форма широко встречается в древностях как лесных, так и степных районов Восточной Европы в первых веках нашей эры. Необычными являются таутовские удила со стержнями, вставленными в петли псалия и служившими, видимо, для крепления ремней оголовья. Наиболее близкой аналогией этим удилам, но без стержней и с

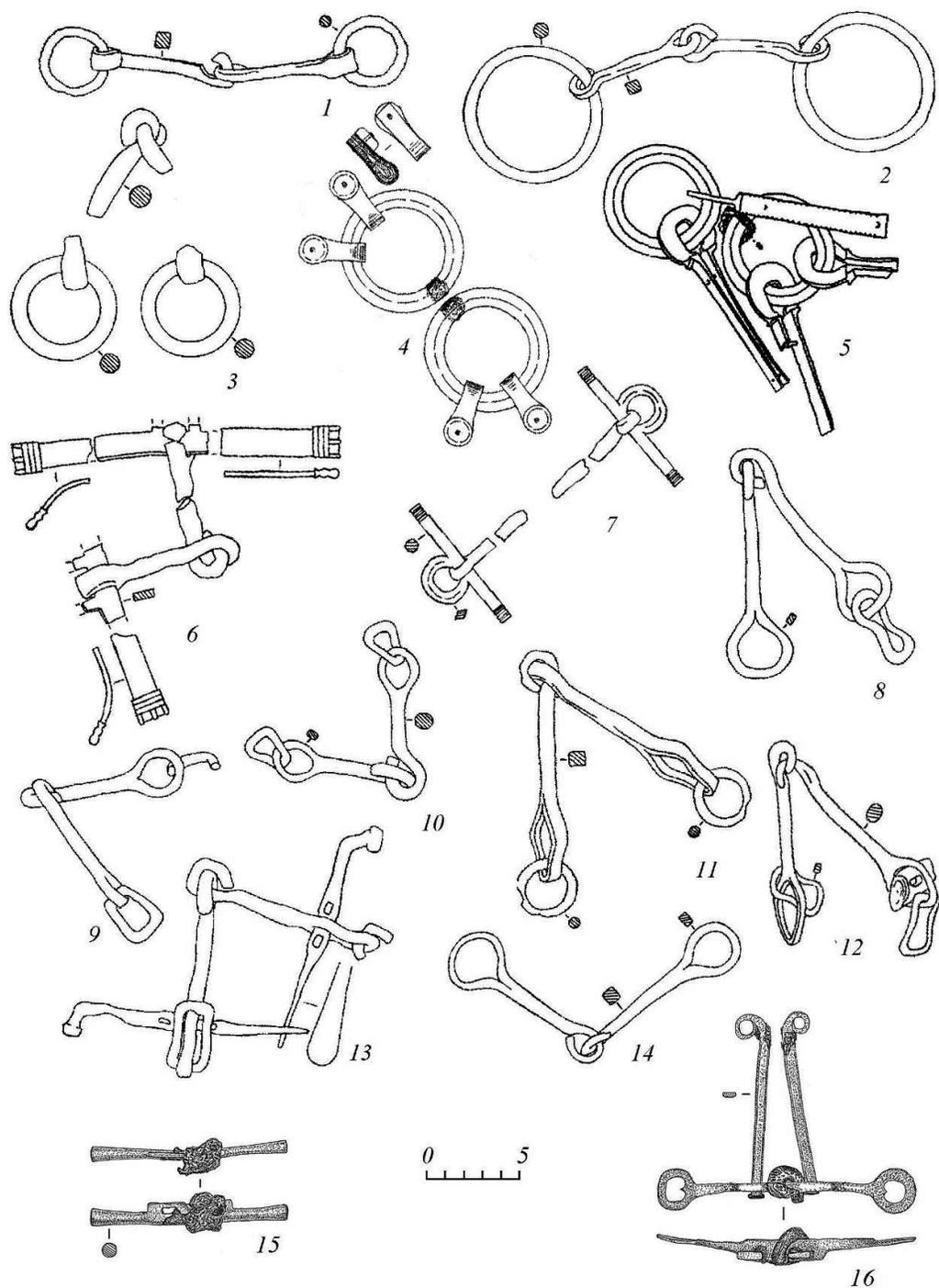

Рис. 1. Предметы снаряжения коня из мордовских могильников. Удила

более крупными кольцами на концах псалий является находка в погребении III в. из Ошкинского могильника, расположенного на р. Буй — правом притоке р. Вятки⁶. В то же время, если взглянуть на оформление псалий Андреевского кургана, то легко можно обнаружить все основные принципы, примененные при изготовлении таутовских удил.

Из Абрамовского могильника (погребение 206) происходят другие древнейшие мордовские удила с металлическими псалиями. Их форма очень интересна: псалии стержневидные с рифлениями на концах, скоба для крепления оголовья и поводка округлая, в сечении ромбическая, изготовлены они из бронзы (см. рис. 1, 7). Круг аналогий роднит эти удила с центральноевропейскими находками. Так, близки к стержневидным бронзовые псалии из прусских могильников⁷, характерны они и для памятников IV — V вв. Польши, Венгрии, Словакии⁸.

VI — VII вв. — период повсеместного распространения удил с костяными и деревянными псалиями. Фрагменты или даже целые костяные псалии — довольно частая находка, в пользу же существования несохранившихся деревянных говорят остатки тлена дерева внутри неподвижных колец на концах грызла, кроме того, свидетельствуют о наличии псалий и находки вместе с удилами железных скоб, выполнявших функции петли для крепления ремней оголовья. Широкое применение таких псалий объясняется доступностью материала и легкостью изготовления. Кроме того, кость и дерево не раскалялись летом от жары, а зимой от холода и, следовательно, не раздражали кожу и губы лошади. Однако подобные удила имели серьезный недостаток — недолговечность псалия, перетиравшегося о петли грызла и разрушавшегося кольцом поводка. В поисках способов исправить этот недостаток мастера применяли различные меры, изменяя формы поводных колец или окончаний грызла.

Итак, одним из способов сохранить псалий было изменение формы поводных подвижных колец. Появляются удила с кольцами в виде восьмерки с несомкнутыми боковыми сторонами (см. рис. 1, 8). Восьмерковидная форма ограничивала движение кольца на конце грызла, таким образом снижалось трение, оказываемое им на псалий. Такие экземпляры встречаются по всей Восточной Европе вплоть до раннеаварских памятников Венгрии⁹. Прямоугольные и треугольные кольца также в определенной мере свидетельствуют о стремлении избежать соприкосновения их с псалием. Такие кольца при натяжении поводка фиксировались в одном положении и меньше вращались в петлях грызла (рис. 1, 9, 10). Перечисленные удила появляются, видимо, на рубеже V — VI вв. и в VII в. выходят из употребления.

Иным способом предотвратить разрушение псалия стало изменение формы окончаний грызла. Ромбовидная форма с несколько сдавленной вершиной в определенной мере выполняла эту задачу — поводное кольцо фиксировалось (см. рис. 1, 11). В дополнение поводному кольцу придавали форму восьмерки (см. рис. 1, 12). Период распространения указанных удил приходится на VI — VII вв.

Во второй половине VI — начале VII в. начинается новый этап эволюции конструкции удил с псалиями. Этот этап связан с появлением на концах грызла удил колец в виде восьмерки с несомкнутыми боковыми сторонами. Во внешнее кольцо пропускалось кольцо для поводка, во внутреннее — псалий. Указанное усовершенствование было применено и к удилам с металлическими Г-образными псалиями (см. рис. 1, 13).

Однако все изложенные способы сохранить псалий полностью не исключали возможность его разрушения от соприкосновения с кольцом повода. В связи с этим еще в VI в. появляются и наиболее широко используются в дальнейшем удила, у которых это соприкосновение исключено в принципе — из-за отсутствия подвижных поводных колец (см. рис. 1, 14). В данном случае псалий из кости или, по-видимому чаще, из дерева, плотно забивался во втулку на конце грызла. Крепление ремней оголовья и повода осуществлялось с помощью скобы или отверстий, проделанных в псалии.

К предметам сбруйного набора III — первой половины VII в. относятся уздечные и подпружные пряжки, наконечники, накладки, привески и решмы.

В то время бытовали в основном уздечные пряжки, служившие для затягивания ремней оголовья. Они преимущественно изготавливались из железа, но для наиболее богатых погребений характерны и бронзовые пряжки (рис. 2, 6 — 11). Формы железных пряжек просты и имеют общий восточноевропейский характер и встречаются с IV в. Бронзовые пряжки также хорошо известны в памятниках Восточной Европы и повсеместно датируются III — IV вв. Во второй половине VI — VII в. начинают применяться крупные подпружные пряжки (см. рис. 2, 1 — 5), их распространение, возможно, было связано с развитием конструкции седла.

Во всех могильниках редко встречаются элементы оголовья. Мордва применяла преимущественно простые плетеные конструкции из органических материалов, не способных долго лежать в земле. Но помещение оголовья вместе с удилами, несомненно, имело место. Об этом говорят обрывки кожаных ремней, сохранившиеся на бронзовых кольцах удил и в обоймах-зажимах. Для эластичности системы применялись уздечные кольца. Иногда ремни украшались несколькими бронзовыми накладками, что выглядело бедно и невыразительно (см. рис. 2, 20 — 24). Накладки крепились при помощи штифтов. Встречаются и довольно богатые уздечные наборы, в которых наряду с бронзовыми накладками использовались серебряные, а также наконечники ремней. Такова, например, уздечка из погребения 32 Селик-сенского могильника, украшенная геральдическими накладками.

Наибольшее внимания заслуживают уздечные наборы из погребений 36 и 42 Второго Усть-Узинского могильника, в состав которых входили разнообразные элементы. Эти оголовья могут быть реконструированы.

В погребении 36 две подвески овальной формы (см. рис. 2, 12) использовались в качестве соединителей, о чем свидетельствуют остатки заклепанных в пластинчатых зажимах двух фрагментов уздечных ремней шириной 1,3 см. Третья такая же подвеска играла роль налобной решмы. Две шарнирные подвески с арочными обоймами (см. рис. 2, 15) служили наконечниками, провдевавшимися в пряжки (см. рис. 2, 9), которые подтягивали нащечные ремни, а третья — с круглой обоймой (см. рис. 2, 14) — подчелюстной ремень. Такая конструкция уздечки не предполагала наличие наносного ремня (рис. 3, 1). Подгонка оголовья осуществлялась с помощью пряжек. Аналогичная ременная схема восстановлена исследователями по материалам погребения 2 в кургане 2 из могильника Байрамгулово позднесарматского времени¹⁰. В погребении находились и упомянутые выше удила с бронзовыми кольцами и двумя бронзовыми обоймами-зажимами, орнаментированными подцилиндрическими бляшками (см. рис. 1, 4).

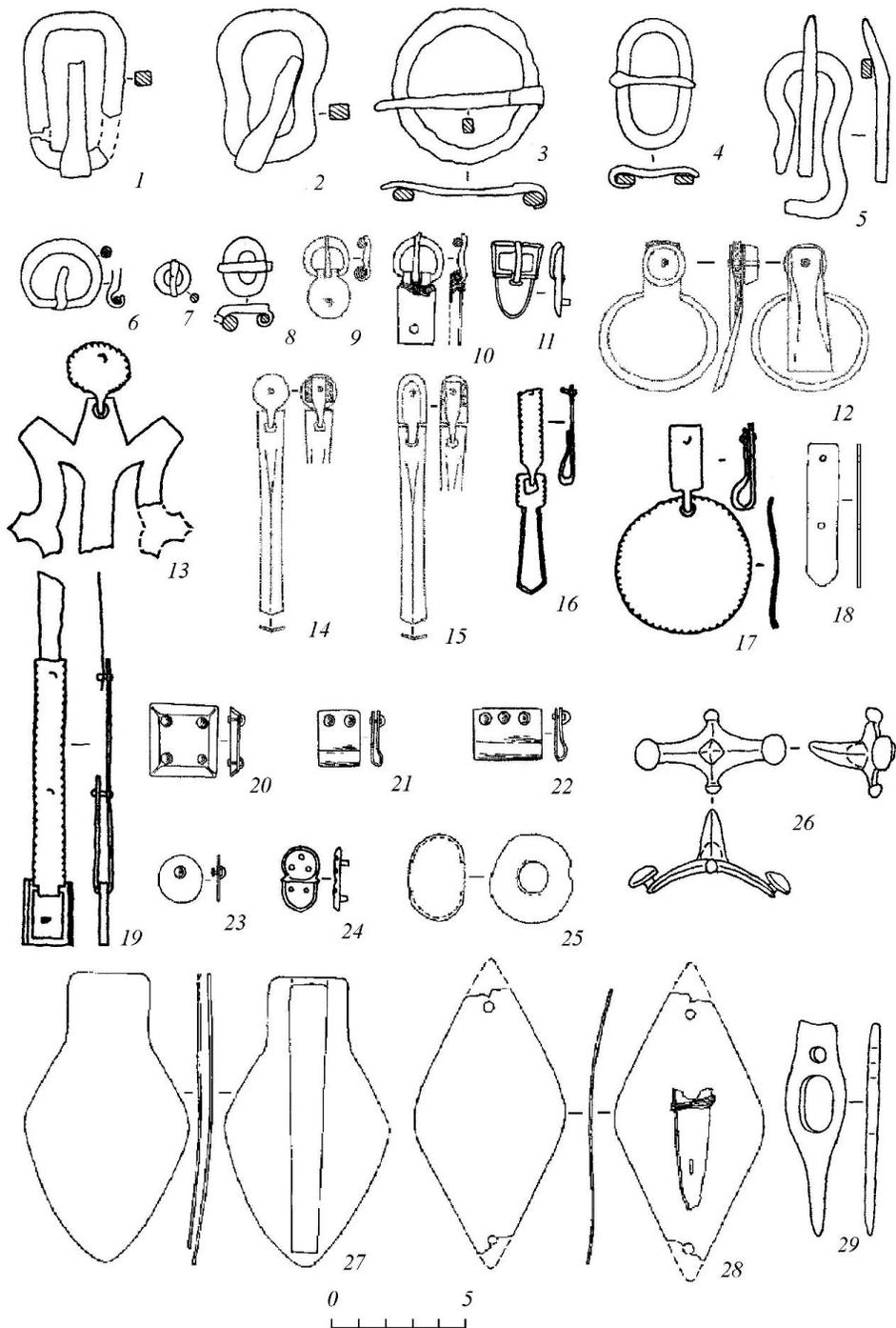

Рис. 2. Предметы снаряжения коня из мордовских могильников. Пряжки, наконечники, накладки, привески и решмы

Оголовье из погребения 42 реконструируется следующим образом (см. рис. 3, 2). Железная решма (см. рис. 2, 27) являлась налобной и крепилась на ремне с помощью зажима. Серебряная решма (см. рис. 2, 28) выполняла роль наносного украшения. Бронзовая пряжка овальной формы (см. рис. 2, 10) и наконечник (см. рис. 2, 18) затягивали подчелюстной ремень. В состав оголовья входили также две крупные серебряные бусы (см. рис. 2, 25), которые могли украшать поводья. Удила из этого погребения двусоставные с подвижными кольцами диаметром 4 см, которые имели по одной серебряной обойме-зажиму.

Уздечки из погребений 36 и 42 Второго Усть-Узинского могильника относятся к серии позднесарматских, датируются соответственно второй половиной III в. и первой половиной III в.

По-видимому, богатым был и уздечный набор, найденный на территории могильника Стексово II. Трудность его интерпретации состоит в том, что он относится к категории отдельных находок. Общее стилистическое оформление объединяет между собой подвески (см. рис. 2, 13, 17) и наконечники (см. рис. 2, 16, 19), а также удила с бронзовыми треугольно-выпуклыми в сечении кольцами и длинными пластинчатыми зажимами (см. рис. 1, 5).

К другим элементам снаряжения верхового коня III — первой половины VII в. относится блок для приторочного ремня — костяная плоская пластина с одним заостренным концом и двумя отверстиями — из погребения 48 Селиксенского могильника (см. рис. 2, 29). В погребении 6 — 7 Ражкинского могильника находилась бронзовая шпора с коническим шипом и каплевидными зацепами (см. рис. 2, 26).

Таким образом, в III — V вв. у мордвы наиболее часто использовались обычные кольчатые удила, причем с кольцами разного диаметра, изредка — удила с бронзо-

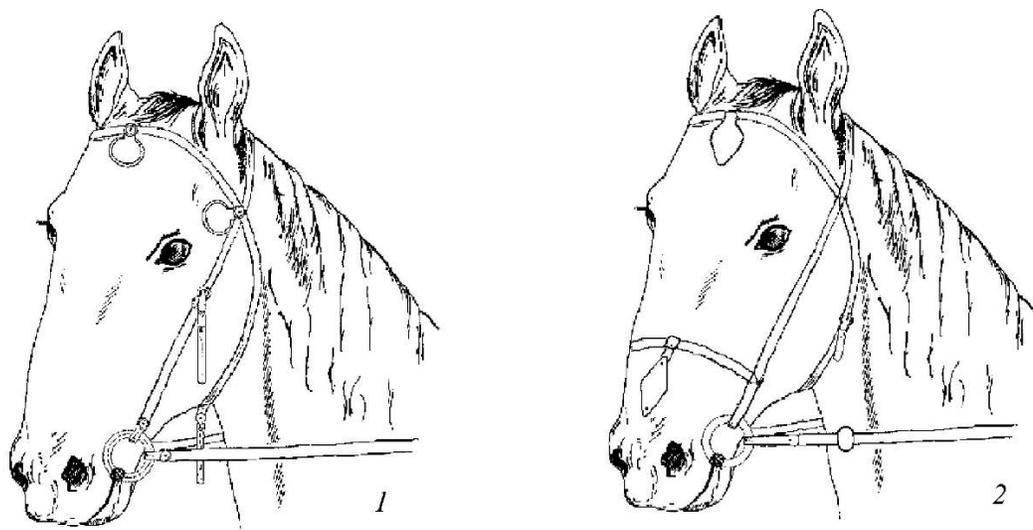

Рис. 3. Реконструкция оголовий

выми псалиями. Анализ инвентаря наиболее ранних погребений позволяет сделать вывод, что основными занятиями всадников были пастушество и охота¹¹. Начиная с V в. количество погребений с удилами увеличивается, все чаще в комплексе с ними встречается оружие. Видимо, все это следует связать с началом эпохи Великого переселения народов. Вооруженным всадникам из степи мордва была вынуждена противопоставить нечто подобное. Однако использование коня в пастушестве все еще велико. Воинами-всадниками до середины VII в. является пока небольшая, но хорошо вооруженная часть населения. Появление в коневодстве направления на выращивание боевых коней и южное степное влияние заставляют приступить к изысканию наиболее рациональных форм удил, что приводит к многообразию их типов, хотя в большинстве случаев представлявших собой улучшение уже известных конструкций.

Библиографические ссылки

¹ См.: **Гришаков В. В.** О ранней стадии пензенских могильников // Поволжские финны и их соседи в эпоху средневековья (проблемы хронологии и этнической истории). Саранск, 2000. С. 14.

² См.: **Амброз А. К.** Боспор. Хронология раннесредневековых древностей // Боспорский сборник. М., 1992. Вып. 1. С. 30, табл. V, 1, 2.

³ См.: **Засецкая И. П.** Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV — V вв.). СПб., 1994. С. 41.

⁴ См.: **Абрамова М. П.** Ранние аланы Северного Кавказа III — V вв. н. э. М., 1997. С. 125, рис. 73, 18.

⁵ См.: **Амброз А. К.** Хронология древностей Северного Кавказа V — VII вв. М., 1989. С. 36.

⁶ См.: **Лещинская Н. А.** Вятский край в пьноборскую эпоху (по материалам погребальных памятников I — IV вв. н. э.): материалы и исслед. Камско-Вят. археол. экспедиции. Ижевск, 2014. Т. 27. С. 180, табл. 83, 28.

⁷ См.: **Кулаков В. И.** Прусы (V — XIII вв.). М., 1994. С. 58, рис. 27, 3, 1.

⁸ См.: **Ахмедов И. Р.** Псалии в начале эпохи Великого переселения народов // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (из истории костюма) : материалы III Междунар. археол. конф. : в 2 т. Самара, 2001. Т. 2. С. 221 — 222.

⁹ См.: Археология Венгрии. Конец II тысячелетия до н. э. — I тысячелетия н. э. М., 1986. С. 322.

¹⁰ См.: **Боталов С. Г., Полушкин Н. А.** Гунно-сарматские памятники Южного Зауралья III — V вв. // Новое в археологии Южного Урала. Челябинск, 1996. С. 185, рис. 2, 30.

¹¹ См.: **Гришаков В. В., Давыдов С. Д.** Социальная стратификация населения, оставившего Усть-Узинский 2 (древнемордовский) могильник III — IV вв. // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2014. № 1 (29). С. 10.

Поступила 12.05.2021 г.